

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 190

18 августа 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе, с участием заявителя З., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе З. от 13 апреля 2026 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката Ш. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 10 июня 2026 года вынесла заключение:

1) о нарушении адвокатом Ш. положений ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся:

– в размещении на сайте «Авито» по ссылке (<https://www.avito.ru/moskva/predlozheniya_uslug/uslugi_advokata_...../>) недостоверной информации о дате получения им высшего юридического образования (степени магистра юриспруденции) и опыте работы по юридической специальности;

– в опубликовании им на своем персональном сайте (<<https://.....ru/>>) недостоверных сведений об имеющейся более чем 20-летней судебной практике, связанной с представительством доверителей в гражданских процессах, ведением уголовных дел, сопровождением свидетелей на допросах, а также отзывов, содержащих оценочные характеристики его работы;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившемся в том, что адвокат Ш. не позднее 12 января 2026 года принял поручение З. на оказание ему юридической помощи без

заключения соглашения в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, а также в том, что, получив от доверителя З. 12 и 15 января 2026 года в счет оплаты юридической помощи денежные средства в общей сумме 58 000 рублей на свой личный банковский счет, адвокат Ш. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и, соответственно, не выдал доверителю З. финансовый документ по проведению операций с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

3) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Ш. своих профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившемся в том, что, заключив с доверителем в устной форме соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее обжалование постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2025 года об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, адвокат Ш. в период времени с 12 января 2026 года по 13 марта 2026 года так и не выполнил принятое поручение, подготовив вместо жалобы на постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2025 года № ... об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции на имя Председателя Верховного Суда Российской Федерации или его заместителя, кассационную жалобу, адресованную Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации;

4) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по жалобе З. от 13 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Ш. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель З. в заседании Совета пояснил, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлен и согласен. Настаивает на том, что с учетом тяжести допущенных адвокатом Ш. дисциплинарных проступков и крайней степени проявленной им недобросовестности необходимо применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Ш., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии (служебная записка сотрудника аппарата Адвокатской палаты города Москвы от 18 августа 2026 года), в заседание Совета не явился, о невозможности явки в связи с уважительной причиной не сообщил, участие представителя не обеспечил, отношения к заключению Квалификационной комиссии не выразил. Руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката,

согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившегося адвоката Ш.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной Комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и полагает необходимым изменить квалификацию одного из дисциплинарных нарушений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве Г. районного суда города Москвы находилось уголовное дело № ... по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ. 12 августа 2024 года по делу был вынесен приговор, оставленный без изменения апелляционным определением Московского городского суда от 11 ноября 2024 года. Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02 сентября 2025 года указанные приговор и апелляционное определение оставлены без изменения, кассационная жалоба потерпевшего З. – без удовлетворения.

27 октября 2025 года в Верховный Суд Российской Федерации поступила кассационная жалоба потерпевшего З. на указанные судебные решения. 10 ноября 2025 года судья Верховного Суда Российской Федерации Ш. вынесла постановление об отказе в передаче кассационной жалобы потерпевшего З. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Не позднее 12 января 2026 года З., ознакомившись с персональным сайтом адвоката Ш. и объявлением на сайте «Авито», содержащими сведения относительно опыта его работы и образовании, в частности, указывается: «опыт работы: 10 лет и больше» и «в моей более чем 20 летней судебной практике...» (при этом на «Авито» указано, что степень магистра получена им в 2007 году) и отзывы о его деятельности, обратился к указанному адвокату за юридической помощью по обжалованию вышеуказанного постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационной жалобы. Между заявителем З. и адвокатом Ш. была достигнута устная договоренность об обжаловании названного постановления. Письменное соглашение об оказании юридической помощи не заключалось.

12 января 2026 года З. перевел на личный банковский счет адвоката Ш., открытый в АО «А.», денежные средства в размере 50 000 рублей, в назначении платежа указано: «Оплата по соглашению от 12 января 2026 года об оказании юридической помощи. Обжалование постановления судьи Верховного Суда РФ, вынесенного 10 ноября 2025 года по кассационной жалобе № ...». 15 января 2026 года З. перевел на тот же банковский счет адвоката Ш. еще 8 000 рублей, в назначении платежа указано: «Доплата по соглашению от 12 января 2026 года об оказании юридической помощи.

Обжалование постановления судьи Верховного Суда РФ, вынесенного 10 ноября 2025 года по кассационной жалобе № ...».

Во исполнение принятого поручения адвокат Ш. составил и направил З. проект кассационной жалобы от имени последнего, адресованной Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. В этом проекте содержится просьба об отмене приговора Г. районного суда города Москвы от 12 августа 2024 года, апелляционного определения Московского городского суда от 11 ноября 2024 года и кассационного определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02 сентября 2025 года в связи с их незаконностью и необоснованностью и о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

13 марта 2026 года заявитель З. посредством сервиса «Почта России» и по электронной почте (на электронный адрес <....@yandex.ru>) направил адвокату Ш. «досудебную претензию», содержащую требование о возврате 58 000 рублей ввиду того, что адвокат Ш. не составил и не подал жалобу на имя председателя Верховного Суда Российской Федерации.

В своей жалобе заявитель З. выдвигает в отношении адвоката Ш. дисциплинарные обвинения в том, что последний:

- разместил в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своем персональном сайте и своей странице на сайте «Авито» недостоверную информацию о своем образовании и стаже профессиональной деятельности, а также отзывы третьих лиц о его работе, на которые заявитель ориентировался при обращении к адвокату за юридической помощью;

- допустил множественные грамматические ошибки в текстах, размещенных на персональном сайте;

- не заключил с доверителем соглашение об оказании юридической помощи в письменной форме и получил денежные средства заявителя на личный банковский счет;

- уклонился от исполнения принятого поручения, никаких действий для обжалования постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2025 года не предпринял, подменил предмет поручения и вместо обжалования постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2026 года составил проект кассационной жалобы в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации;

- допустил множественные ошибки в проекте кассационной жалобы и использовал при ее написании текст, ранее составленный заявителем;

- ссылаясь на необходимость предоставления ему нотариальной доверенности для представления интересов заявителя в Верховном Суде Российской Федерации.

В ходе дисциплинарного разбирательства адвокат Ш. все выдвинутые дисциплинарные обвинения отрицал. Пояснял, что не размещал сведения о себе на сайте «Авито», а соглашение с заявителем подписано не было, поскольку сам З. отказался его подписать. При этом утверждал, что принятые поручения З. им исполнены. Информация об образовании и

профессиональном стаже, размещенная на сайте адвоката Ш., соответствует действительности, поскольку до получения статуса адвоката он длительное время практиковал в судах и достигал положительных результатов. Конфликт со З. возник в результате того, что тот отказался представить надлежаще оформленную доверенность по иному соглашению. Полагает, что уголовно-процессуальное законодательство предусматривает «различные порядки» обжалования постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационной жалобы на рассмотрение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, и выбор конкретного порядка обжалования зависит от того, вступило ли такое постановление в законную силу. Он выполнил поручение по обжалованию указанного судебного решения, избрав для этого надлежащую процедуру, в связи с чем каких-либо нарушений в своих действиях не усматривает.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в размещении адвокатом Ш. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на своем персональном сайте и странице на сайте «Авито» недостоверной информации, на которую заявитель ориентировался при обращении к адвокату за юридической помощью, Совет отмечает следующее. Согласно пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не содержит: 1) оценочных характеристик адвоката; 2) отзывов других лиц о работе адвоката; 3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов; 4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды.

Согласно Разъяснению Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденному Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 года (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2023. № 1 (81). С. 47-48*), «при размещении информации об адвокате или адвокатском образовании в сети «Интернет» адвокат и адвокатское образование должны соблюдать требования, предусмотренные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката, Правилами поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 28 сентября 2016 года, Рекомендациями

по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 сентября 2022 года, а также руководствоваться разъяснениями Комиссии от 28 января 2016 года по вопросам применения пункта 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката и от 17 апреля 2019 года по вопросам применения пункта 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката».

В п. 1.1-1.2 Рекомендаций по ведению сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 сентября 2022 года (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2022. № 4 (80). С. 32-38*) указано:

«В основе взаимоотношений между адвокатом и доверителем лежит доверие. Построение доверительных отношений в первую очередь зависит от действий самого адвоката, в том числе и тех, которые касаются размещения им информации о себе в публичном пространстве.

Информирование о деятельности адвокатского образования и профессиональной деятельности адвоката возможно с помощью использования официального интернет-сайта адвокатского образования и персонального сайта адвоката в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Цель создания таких сайтов – довести достоверную информацию об адвокатском образовании или о конкретном адвокате до сведения неопределенного круга пользователей».

Согласно п. 5.3 Рекомендаций, недопустимо размещать на сайте анонимные (неверифицированные), двусмысленные и оценочные отзывы третьих лиц о профессиональной деятельности адвоката. В соответствии с примечанием к указанному пункту, верифицированным является отзыв, содержащий достоверное и полное указание на его автора, то есть фамилию, имя, отчество физического лица или юридическое наименование компании и должность автора отзыва.

На указанной заявителем странице на сайте «Авито» (<https://www.avito.ru/moskva/predlozheniya_uslug/uslugi_advokata_.../>), помимо письменных сведений об адвокате Ш., содержатся фотографии его диплома о высшем юридическом образовании и удостоверения Международного союза (Содружества) адвокатов, выданного Ш.. Представленная на сайте копия диплома о высшем юридическом образовании соответствует как данным, размещенным на персональном сайте адвоката Ш. (вуз, дата выдачи, серия и номер), так и копии, приложенной к служебной записке руководителя отдела кадров Адвокатской палаты города Москвы З.. Факт своего членства в Международном союзе (Содружестве) адвокатов адвокат Ш. подтвердил в ходе дисциплинарного разбирательства.

В разделе «Образование, курсы» этого объявления указано: «степень магистра юриспруденции – 2007 год. Красный диплом магистра юриспруденции». В том же объявлении на сайте «Авито» содержится

указание на «опыт работы десять и более лет», а на персональном сайте адвоката Ш. – указание на наличие у него более чем 20-летней «успешной судебной практики».

Помимо этого, на персональном сайте адвоката Ш. содержатся отзывы Ч. и Т., опубликованные 20 октября 2023 года и 28 декабря 2023 года соответственно, в которых указывается: «это не просто грамотный адвокат, это чуткий человек, который всегда отнесется к вашей проблеме с пониманием и высоким профессионализмом», «очень довольна»; «действительно профессиональный адвокат», «правильно выбранная стратегии защиты», «глубокое знание законов, внимание и правильная ориентированность».

Как указано выше, адвокат Ш. отрицал размещение им информации о себе на сайте «Авито». Между тем, по представленной заявителем ссылке действительно содержится объявление об оказании «услуг адвоката», в котором приведены сведения именно об адвокате Ш.

Согласно Разъяснению Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросам применения статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 года (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2023. № 1 (81). С. 47-48*), личная вовлеченность адвоката в процесс формирования содержания сайта в сети «Интернет» может быть установлена не только на основании регистрационных сведений об адвокате как о владельце или администраторе сайта, но также в случае, если объем и содержание размещенной в сети «Интернет» информации об адвокате явно свидетельствуют о невозможности ее получения иными лицами без участия самого адвоката.

Как указано выше, на сайте «Авито» (<https://www.avito.ru/moskva/predlozheniya_uslug/uslugi_advokata_...../>), помимо письменных сведений об адвокате Ш., содержатся фотографии его диплома о высшем юридическом образовании и удостоверения Международного союза (Содружества) адвокатов. При этом копии указанных документов на персональном сайте адвоката Ш. не размещены. Следовательно, свободный доступ третьих лиц к этим документам без ведома и согласия последнего невозможен. Кроме того, отсутствуют разумные основания для сомнений в том, что кто-либо, кроме самого адвоката Ш., мог без его ведома и согласия разместить объявление об оказании им юридической помощи с указанием ее стоимости.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что, вопреки доводам адвоката Ш., рассматриваемое объявление на сайте «Авито» было создано непосредственно им либо по его просьбе (с его согласия) и при его непосредственном участии.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что степень магистра юриспруденции была получена адвокатом Ш. лишь в 2022

году. При этом, как указано выше, в рассматриваемом объявлении указано: «степень магистра юриспруденции – 2007 год. Красный диплом магистра юриспруденции». Таким образом, размещенная в объявлении информация об образовании адвоката Ш. является недостоверной и вводящей в заблуждение. Это же относится и к указанию в том же объявлении на «опыт работы десять и более лет» и указанию на персональном сайте адвоката Ш. на наличие у него более чем 20-летней «успешной судебной практики», поскольку эти сведения не соответствуют действительности и сведениям о трудовой деятельности адвоката Ш., указанных им самим в анкете, составленной при изменении членства в Адвокатской палате Ч. Республики на Адвокатскую палату города Москвы.

Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что Ш. в июне 2011 года окончил НОУ ВПО «Академия МНЭПУ им. Моисеева», получив диплом о высшем образовании, в соответствии с которым ему присвоена квалификация «экономист по направлению специальности финансы и кредит». В апреле 2022 года адвокат Ш. окончил магистратуру Аккредитованного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-юридический университет (МФЮА)» по направлению подготовки «Юриспруденция», получив диплом магистра с отличием.

Адвокат Ш. является членом Адвокатской палаты города Москвы с 30 мая 2024 года в связи с изменением предыдущего членства в Адвокатской палате Ч. Республики, где 27 сентября 2023 года он приобрел статус адвоката.

До приобретения статуса адвоката Ш. в период до 2009 года замещал различные должности, в том числе: плотника, менеджера, учителя математики, продавца-консультанта, менеджера по продажам, менеджера по снабжению, снабженца, с 21 января 2009 года по 04 марта 2020 года и с 16 июля 2022 года по 20 сентября 2023 года занимал должность генерального директора ООО «Г.», а с 05 марта 2020 года по 15 июля 2022 года работал помощником адвоката в Московской городской коллегии адвокатов.

Довод адвоката Ш. о том, что с 2010 года он представлял интересы иных лиц в судах, Совет отклоняет как несостоятельный и надуманный, поскольку никаких подтверждающих его доказательств представлено не было. Голословные ссылки на наличие доверенностей в архиве ООО «Г.» таким подтверждением считаться не могут. Более того, факт выдачи доверенности на представление интересов в суде сам по себе не доказывает ни участия представителя в судебных процессах ни, тем более, достижения благоприятных для доверителя результатов. Помимо этого, участие в судебных заседаниях лица, имеющего не юридическое, а экономическое образование, даже если оно и имело место, невозможно отнести к профессиональной юридической деятельности.

Совет также отмечает, что указания на «опыт работы» в контексте объявления о предоставлении «услуг адвоката» и на стаж «судебной практики» имеют очевидную цель привлечения потенциальных доверителей

путем создания у них убежденности в наличии у адвоката Ш. длительного юридического стажа и высокой профессиональной компетентности. Таким образом, размещение адвокатом Ш. описанной выше не соответствующей действительности информации об образовании и профессиональном опыте направлено на введение в заблуждение потенциальных доверителей.

Совет отмечает, что генеральным директором ООО «Г.», в котором адвокат Ш. является единственным участником, является Ч., чьи фамилия, имя и отчество совпадают с фамилией, именем и отчеством автора одного из опубликованных отзывов об адвокате Ш. на его персональном сайте. При этом отзыв Ч. был опубликован вскоре после получения адвокатом Ш. статуса адвоката. Совокупность указанных обстоятельств хотя и не доказывает фальсификации указанного отзыва, но создает ситуацию двусмысленности вокруг него.

Помимо этого, отзывы Ч. и Т., вопреки приведенному выше запрету, содержат оценочные характеристики адвоката Ш. и его профессиональной деятельности: «это не просто грамотный адвокат, это чуткий человек, который всегда отнесется к вашей проблеме с пониманием и высоким профессионализмом», «очень довольна»; «действительно профессиональный адвокат», «правильно выбранная стратегии защиты», «глубокое знание законов, внимание и правильная ориентированность».

По этим причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом Ш. требований ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

В связи с доводом жалобы о наличии множественных грамматических ошибок в текстах, размещенных на персональном сайте адвоката Ш., Совет отмечает, что недостаточный уровень владения грамматикой русского языка хотя и не относится к достоинствам адвоката, однако сам по себе не свидетельствует о виновном нарушении им законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также требований профессиональной этики.

Дисциплинарные обвинения в незаключении адвокатом Ш. соглашения об оказании юридической помощи с заявителем З. в письменной форме и в получении им денежных средств заявителя на личный банковский счет без их надлежащего оприходования и выдаче доверителю подтверждающего документа также нашли подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Согласно ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем» (п. 1), которое представляет собой «гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу» (п. 2); к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относятся: указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому

образованию и адвокатской палате (пп. 1 п. 4); предмет поручения (пп. 2 п. 4); условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь (пп. 3 п. 4); порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения (пп. 4 п. 4); размер и характер ответственности адвоката, принявшего поручения (пп. 5 п. 4).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем.

Заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам, а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном итоге подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту.

В соответствии с п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя, поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов. Вместе с тем, бездействие адвоката, выразившееся, в том числе, в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывают независимость адвоката, исключает установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлено к подрыву доверия.

Обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными

законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных им в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования.

При этом в тех случаях, когда адвокатом были допущены нарушения порядка (формы) заключения соглашения с доверителем, порядка оприходования полученных от доверителя денежных средств (вознаграждения за юридическую помощь или компенсации расходов), адвокат в период действия соглашения имеет возможность устранить допущенные нарушения.

Согласно п. 1 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» от 29 сентября 2014 года в соответствии со ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката. Эти Разъяснения приняты Советом в пределах его компетенции и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Как указано выше, адвокат Ш. не отрицал, что письменное соглашение об оказании юридической помощи оформлено и подписано не было, однако несмотря на это, он приступил к оказанию юридической помощи по подготовке кассационной жалобы.

Доказательств внесения денежных средств в размере 58 тысяч рублей, уплаченных заявителем З. за оказание юридической помощи адвокату Ш. на личный банковский счет последнего, в кассу адвокатского образования и их оприходования, равно как и о выдаче З. соответствующих подтверждающих документов, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

В связи с вышеизложенным Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Ш. профессиональных обязанностей перед доверителем З. при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в уклонении адвоката Ш. от исполнения принятого поручения и подмене его предмета, Совет отмечает следующее.

Несмотря на то, что между адвокатом Ш. и заявителем З. соглашение об оказании юридической помощи в письменной форме не заключалось,

согласованный между ними в устной форме предмет принятого адвокатом Ш. поручения вне разумных сомнений состоял в обжаловании постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2025 года.

Так, в проекте соглашения от 12 января 2026 года, направленном заявителю адвокатом Ш. (что последний не оспаривает), указан следующий предмет поручения: «обжалование постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации, вынесенного 10 ноября 2025 года по кассационной жалобе № ... на приговор Г. районного суда города Москвы от 12 августа 2024 года, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 11 ноября 2024 года и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02 сентября 2025 года в отношении осужденного А.». Такое же назначение двух платежей адвокату Ш. было указано заявителем З. при осуществлении соответствующих переводов.

Адвокат Ш. также не отрицал принятие именно указанного поручения.

В соответствии с ч. 5 ст. 401.10 УПК РФ Председатель Верховного Суда Российской Федерации, его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и вынести постановление об отмене такого постановления и о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает иного порядка обжалования таких постановлений и не наделяет судебные коллегии Верховного Суда Российской Федерации полномочиями по их пересмотру. Адвокат Ш. как профессиональный советник по правовым вопросам обязан знать эти положения законодательства и руководствоваться ими.

Однако вопреки этим требованиям адвокат Ш. составил проект кассационной жалобы, предназначенный для подачи в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, заведомо не наделенную полномочиями по ее рассмотрению. Каких-либо иных действий по исполнению принятого поручения З. адвокат Ш. не предпринимал.

Доводы адвоката Ш. о якобы существующих «различных порядках» обжалования постановлений судьи Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, равно как и о том, что он не мог исполнить взятое на себя обязательство, поскольку З. не выдал ему доверенность, Совет отклоняет как несостоятельные и не соответствующие требованиям применимого законодательства.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Ш. при описанных обстоятельствах в период с 12 января 2026 года по 13 марта 2026 года так и не выполнил принятое поручение о подготовке жалобы на постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2025 года № ...

об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Квалификационной комиссией указанные действия адвоката Ш. квалифицированы как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом какого-либо обоснования квалификации рассматриваемого нарушения по п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики в заключении Квалификационной комиссии не приведено. По этой причине Совет не может согласиться с предложенной Комиссией квалификацией рассматриваемого нарушения в данной части. Совет полагает, что адвокатом Ш. проявлена профессиональная некомпетентность, связанная с незнанием либо непониманием соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства и отсутствием опыта исполнения подобных поручений повышенной сложности. Доказательств того, что он изначально не намеревался исполнять принятое поручение, не имеется. Напротив, он подготовил и представил доверителю проект кассационной жалобы, не соответствующий требованиям к надлежащему оказанию квалифицированной юридической помощи. По этим причинам Совет квалифицирует рассматриваемые действия адвоката Ш. как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и исключает из квалификации этого нарушения указание на п. 2 ст. 5 и п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката как избыточное.

С учетом описанной корректировки квалификации Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Ш. в части рассмотренных дисциплинарных нарушений опровергнутой, а его умышленную вину в их совершении – установленной.

Дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Ш. допустил множественные ошибки в проекте кассационной жалобы и использовал при его подготовке текст, ранее составленный заявителем, охватываются выводом о неисполнении адвокатом принятого поручения и дополнительной квалификации не требуют. Это же относится и к дисциплинарному обвинению в том, что адвокат Ш. ссылаясь на необходимость предоставления ему нотариальной доверенности для представления интересов заявителя в Верховном Суде Российской Федерации. По этим причинам дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Ш. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их множественный, умышленный и злостный характер, сопряженный с явной некомпетентностью и грубым игнорированием базовых основополагающих требований к оказанию квалифицированной юридической помощи, исполнению профессионально-этических

обязанностей перед доверителем и публичному поведению. Совокупность описанных обстоятельств в сочетании с отсутствием должной критической оценки адвокатом Ш. совершенных им нарушений убедительно показывает, что он не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Ш. недопустимым, наносящим вред авторитету адвокатуры и несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества, и в силу этого приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет не усматривает оснований для применения к адвокату Ш. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Ш. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката. Совет исходит из своей приверженности защите признанного авторитета московской адвокатуры, который основан на самых высоких профессионально-этических стандартах работы адвокатов, являющихся членами Адвокатской палаты города Москвы. Совет не может допустить утраты или снижения этой ценности вследствие терпимого отношения к совершению адвокатами подобных нарушений.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого адвокат Ш. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности Ш., считает необходимым установить этот срок в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Ш. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

– нарушение требований ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся:

в размещении на сайте «Авито» по ссылке (<https://www.avito.ru/moskva/predlozheniya_uslug/uslugi_advokata_.../>) недостоверной информации о дате получения им высшего юридического образования (степени магистра юриспруденции) и опыте работы по юридической специальности;

в опубликовании им на своем персональном сайте (<<https://....ru/>>) недостоверных сведений об имеющейся более чем 20-летней судебной практике, связанной с представительством доверителей в гражданских процессах, ведением уголовных дел, сопровождением свидетелей на допросах, а также отзывов, содержащих оценочные характеристики его работы;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившееся в том, что он не позднее 12 января 2026 года принял поручение З. на оказание ему юридической помощи без заключения соглашения в простой письменной форме, а лишь на основании устного соглашения, а также в том, что, получив от доверителя З. 12 и 15 января 2026 года в счет оплаты юридической помощи денежные средства в общей сумме 58 000 рублей на свой личный банковский счет, он не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и, соответственно, не выдал доверителю З. финансовый документ по проведению операций с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем З., выразившееся в том, что, заключив с доверителем в устной форме соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее обжалование постановления судьи Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2025 года об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, он в период с 12 января по 13 марта 2026 года так и не выполнил принятое поручение, подготовив вместо жалобы Председателю Верховного Суда Российской Федерации или его заместителю на постановление судьи

Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2025 года № ... об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, проект кассационной жалобы, адресованной Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, не имеющей полномочий по ее рассмотрению.

Установить срок, по истечении которого Ш. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. по жалобе З. от 13 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Ш. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков